

DOI: 10.15643/libartrus-2016.5.10

Проблема невыразимости объекта речи

© М. Ю. Михайлова

*Самарский государственный социально-педагогический университет
Россия, 443099 г. Самара, ул. М. Горького, 65/67.*

Email: marinamikhailova44@gmail.com

*В статье предлагается авторское решение проблемы невыразимости предмета речи с учетом асимметрии языкового знака – означающего и означаемого – применительно к элементам функционально-семантической категории невыразимого. Определено, что элементами поля невыразимого маркируются номинации абстрактной лексики трех подклассов: 1) наиболее обобщенный признак, 2) понятие или термин, 3) родовые понятия в отношении к видовым. Напротив, имена, являющиеся мыслительным конструктом ирреального предмета, несмотря на пустой денотативный слой значения, не маркируются невыразимым, передавая конкретный целостный образ. Со стороны объекта речи можно говорить об одинарной невыразимости объекта речи означающего или означаемого, либо о двойственной невыразимости – и означающего, и означаемого. Впервые определено, что при двойственной невыразимости активно маркируются элементами поля невыразимого номинации, обозначающие вымышленных существ в художественной литературе или экстраординарных существ, свойства которых невозможно ни с чем соотнести. Невыразимость означаемого обуславливается факторами внешней или внутренней лингвистики. При факторе внутренней лингвистики – это аспект бытийной невыразимости, невыразимость предмета речи обусловлена его потусторонностью. Такая невыразимость маркируется дискурсивными употреблениями местоимений (нечто, местоименного субстантивата оно, нечленимыми сочетаниями типа нечто невыразимое). При факторе внешней лингвистики – это компетентностная или психофизическая невыразимость обусловлена особенностями субъекта речи. Невыразимость означающего передается вопросительными предложениями с отрицательным значением, частицей ли, нечленимыми сочетаниями типа что-то несказанное. В ситуациях с невыразимостью означающего, при которых говорящий фактически знает означающее и только маркирует этот участок как невыразимый – И оказалась она красавицей несказанной (= очень красива) – средство передачи семантики невыразимого обнаруживает центробежные силы; из поля невыразимого мигрирует в поле «предельно высокой концентрации качества». Подобная «миграция» наблюдается в фольклорных формулах (такой красоты, что **ни в сказке сказать...**), в формулах выражения чувств (**Я так люблю – слов нет!**).*

Ключевые слова: функционально-семантическая категория, семантика невыразимого, асимметрический дуализм языкового знака, означающее, означаемое.

Данная работа выполнена в русле нашего исследования функционально-семантической категории невыразимого, представленной системой средств передачи на разных уровнях языка, лингвистическими, паралингвистическими, а также параграфемическими средствами. Семантика невыразимого привлекает пристальное внимание ученых разных стран на протяжении многих веков, ее изучают философы, культурологи, теологи, литературоведы. В лингвистике данная проблема наиболее разработана в лингвопоэтике [1, 15, 17]. Ученые говорят о том или ином средстве передачи семантики невыразимого [3, 5, 10, 12, 13, 16]. Однако до настоящего времени нет ни одного специального исследования, посвященного феномену семантики невыразимого. Исключение составляет наша небольшая монография [20].

В данной работе будет рассмотрена проблема отображения невыразимости предмета речи (означаемого, означающего или означаемого и означающего).

Когда-то С. О. Карцевский об асимметричном характере языкового знака писал, что означающее и означаемое скользят по наклонной плоскости, и каждое выходит из рамок соответствия: означающее «стремится обладать иными функциями», означаемое «стремится к тому, чтобы выразить себя иными средствами» [7, с. 90]. В настоящее время тенденция асимметрии языкового знака признана за аксиому в лингвистике; ее относят к числу принципов исследования в языкознании [4, с. 74–75]. В функциональной грамматике полагают, что асимметрия означающего и означаемого – это проявление полевой организации языка. Применительно к нашему материалу можно говорить о принципиальной асимметрии элементов поля невыразимого в силу паралогического характера семантики невыразимого. Паралогичность данной функционально-семантической категории проявляется в том, что средства ее выражения (*нет слов, не могу найти слов, не отыскать слов, чтобы...* и т.п.) являются словами, метаописанием невыразимости.

Невыразимость предмета речи может быть маркирована со стороны формы (нет слов для обозначения предмета речи: предмета, признака, признака признака или явления) или содержания, т. е. его конкретизация невозможна; из бесконечного числа вариантов невозможно выбрать релевантный для осуществления операции отождествления.

Согласно нашему анализу языкового материала, в отношении элементов поля невыразимого следует заметить, что они маркируют невыразимым не конкретную лексику с «наполненным денотативным слоем», а исключительно абстрактные номинации, которые обозначают объекты, свойства и отношения, образуемые в результате отвлечения от конкретных объектов, свойств и отношений.

Признаком невыразимости активно отмечаются первые три подкласса абстрактной лексики из классификации А. А. Уфимцевой: 1) имена, обозначающие наиболее обобщенное понятие признака, например: *красота*; 2) абстрактные термины и понятия, например: *невыразима трансцендентальность божественного; невыразимое*; 3) родовые понятия реального мира в отношении к видовым, например: *невыразимо чувство; невыразимо понимание того, что...;* ср.: [18].

Что касается четвертого подкласса абстрактной лексики – имен единичных понятий, являющихся «мыслительным конструктом» ирреального предмета – *черт, русалка, кентавр, единорог*, то, как показало наше исследование, они, как правило, не маркируются элементами поля невыразимого.

Безусловно, подобные номинации вымышленных существ располагают «пустым денотатом», отсутствием денотата (= экстенционала) в реальном мире. Между тем, как отмечает И. М. Кобозева, с этими словами ассоциируются вполне конкретные целостные образы соответствующих вымышленных существ. Источником формирования подобных образов служат произведения искусства, и потому они скорее должны относиться к конкретной лексике с оговоркой, что такие слова обозначают объекты не действительного, а воображаемого мира [8, с. 85]. Именно благодаря наличию конкретных целостных образов вымышленных существ такие номинации не отмечаются маркерами невыразимого.

По-иному обстоит дело в ситуациях из художественной литературы, а подчас и действительности, встречи человека с существами, для которых не находится слов, невозможно осуществить операцию отождествления. В подобных случаях говорящий прибегает к конститuentам семантики невыразимого. Независимо от того, будет ли это определение существа реального мира (с наличием денотата, экстенционала) или это будет существо воображаемого

мира, из художественной литературы, подобные номинации маркируются элементами поля невыразимого. В таких случаях используют дискурсивные употребления неопределенного местоимения *нечто* или местоименного субстантивата *оно*, а также нечленимые сочетания типа *нечто невыразимое, что-то невообразимое* и т. п.

Например, в материалах сайта FISHKI.net (<http://fishki.net/2093469-16-zhutkih-fotografij-kotorye-zastavjat-vas-роверит-v-prizrakov.html?from=smi2>) употребляется местоименный субстантиват *оно* без предшествующего существительного в значении 'нечто невыразимое':

Непонятную сущность, которую запечатлела камера наблюдения, работники библиотеки Уиллард называют «Человек-тень». Иногда оно предстает в образе тени, иногда – почти в человеческой форме.

В примере «Непонятную сущность» (имя существительное женского рода) пытаются назвать «Человек-тень» (имя существительное мужского рода). Сразу после этого без наличия существительного среднего рода в предтексте дается слово *оно*. В предтексте нет антецедента, следовательно, это не местоимение, а местоименный субстантиват.

В подобных ситуациях следует говорить о **двойственной** невыразимости – и означающего и означаемого в противовес **одинарной** невыразимости (или означаемого – или означающего). В ситуации с «невыразимым» существом субъект речи «встречает» невыразимый предмет речи (= означаемое), при этом невыразимость предмета речи влечет за собой невозможность его отождествления, выбора его номинации (невыразимость означающего).

Невыразимость означаемого

В целом невыразимость означаемого может быть обусловлена факторами **внешней** или **внутренней лингвистики**. При факторе внутренней лингвистики – это аспект бытийной невыразимости, невыразимости предмета речи относительно его существования. Невыразимость означаемого обусловлена его потусторонностью, трансцендентальностью, которая представлена божественным началом мира или inferнальным, вымышленными фантастическими существами или существами, вид которых не поддается идентификации субъектом речи. Подробнее см.: [19].

При факторе **внешней лингвистики** невыразимость означаемого обусловлена **особенностями субъекта речи**. Таковы компетентностная и психофизическая невыразимость. 1) При **компетентностной невыразимости** говорящий не способен подобрать слова из-за плохого понимания, знания данной коммуникативной ситуации, отсутствия сведений о предмете речи, незнании/плохом знании языка, некачественном/неправильном переводе предмета речи, например: *«Бить баклуши», это я понимаю, но не знаю, как выразить это на английском языке, это непереводимо.*

О. И. Костикова, анализируя исследование переводов на французский язык, осуществленное критиком А. Мешоником, отмечает, что обнаружена проблема, напряжение в идее, «которую невозможно перевести, но которую нельзя не перевести». Исследовательница подчеркивает, что А. Мешоник провозглашает элитарность искусства, в том числе – искусства перевода: *«Писать – значит, выразить невыразимое»* [9, с. 53].

В. И. Карасик приводит пример невыразимости, обусловленной низким уровнем коммуникативной компетенции языковой личности из «Сказки о жабе и розе» В. М. Гаршина:

[О жабе] *Ей очень понравилась роза, она чувствовала желание быть поближе к такому душистому и прекрасному созданию. И чтобы выразить свои нежные чувства, она не придумала ничего лучше таких слов:*

- *Постой, – прохрипела она, – я тебя слопаю!* [6, с. 45].

2) При **психофизической невыразимости** говорящий не способен освоить предмет речи и маркирует его в качестве невыразимого в силу своих психофизических особенностей (особого состояния, врожденной или приобретенной девиации).

В подобных ситуациях возникает как **одинарная невыразимость** (или означающего или означаемого), так и **двойственная** (и означающего, и означаемого). Пример одинарной невыразимости: говорящий, зная номинации по теме (= означающие), не понимает логическое ядро концепта (= означаемое), вследствие этого обращается к маркерам поля невыразимого, например: *Как мне выразить это* (= не могу это выразить), *если я не понимаю свойства частиц*.

Так, согласно исследованию З. Д. Поповой и А. И. Стернина, нейрофизиологический субстрат мышления представлен универсальным предметным кодом, который способен функционировать без обращения к человеческому языку. При этом образные единицы универсального предметного кода обнаруживают себя только косвенно. Ученые отмечают: когда студенты на экзамене не знают ответа на вопрос, они непроизвольно изображают руками незамысловатые фигуры. Это свидетельствует о незнании логического рационального концепта и попытке передать образное ядро концепта [14, с. 28–29].

Иногда невыразимость означаемого каузирует невыразимость означающего. При этом говорящий, воспринимая предмет речи как непостижимый, неопиcуемый, маркирует его элементами поля невыразимого, например: *Не знаю даже и не могу выразить...*

Невыразимость означающего

1. Невыразимость означающего, т. е. отказ в возможности подобрать слова для выражения, с одной стороны, является метаописанием и квазивыразимостью, с другой – располагает очевидной паралогичностью, поскольку этот план выражения семантики невыразимого представлен при помощи слов. Примеры невыразимости означающего предмета речи: *нет слов; не найти слов; невозможно найти слова, чтобы...* Невыразимость означающего может быть общего характера либо частного. В обоих случаях при невыразимости означающего говорящий констатирует факт отсутствия адекватной номинации (=означающего). Невозможность выбора искомого означающего передается вопросительными предложениями с семантикой отрицания, например:

Как сердцу высказать себя? (= невозможно сердцу высказать себя);

Какими словами передать это?.. (= нет таких слов, чтобы передать это);

Как отыскать слова, чтобы передать это?.. (= нет слов, чтобы передать это...)

Для передачи невыразимости означающего применяют вопросительную частицу *ли*, например:

Можно ли найти такие слова, чтобы передать это?.. (= нельзя найти такие слова, чтобы передать это...)

Употребляют нечленимые сочетания с семантикой невыразимого, например: *что-то невыразимое; нечто несказанное* и т. п.

2. В русском дискурсе частотна ситуация с невыразимостью означающего, при которой говорящий фактически знает означающее и только маркирует этот участок как невыразимый, например: *И оказалась она красавицей несказанной* (= очень красива); *Я тобой горжусь – слов нет!* (= я сильно тобой горжусь). В таких случаях средство передачи семантики невыразимого обнаруживает центробежные силы, из поля невыразимого мигрирует в поле «предельно высокой концентрации качества». Подобная «миграция» наблюдается в фольклорных

формулах, например: *такой красоты, что ни в сказке сказать, ни пером написать* и в формулах выражения чувств, например: *Я так тебя люблю, так люблю – слов нет!* Данные формулы свидетельствуют о том, о чем по другому поводу писал В. Г. Гак: «Отсутствие означающего... может свидетельствовать о том, что означаемое настолько значимо, что для него не находится адекватного описывающего означающего» [2, с. 495].

Завершая характеристику проблемы невыразимости предмета речи, заключаем, что этот аспект изучения семантики невыразимого по-новому освещает сущность данной функционально-семантической категории.

Литература

1. Заика В. И. *Очерки по теории художественной речи*. Великий Новгород: Новг. гос. унт-т, **2006**. 407 с.
2. Гак В. Г. Отображение сокровенного смысла // *Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура: Сб. ст.* М.: Языки славянской культуры, **2004**. С. 489–496.
3. Горшкова Л. А. Семантика и функции неопределенных местоимений в прозе Б. К. Зайцева: автореф. дис. ... канд. филол. наук. Уфа, **2005**. 24 с.
4. Иванян Е. П. *Общее языкознание: Курс лекций*. Самара: ПГСГА, **2013**. 92 с.
5. Иванян Е. П. *Семантика умолчания и средства ее выражения в русском языке*. 2-е изд. М.: ФЛИНТА, **2015**. 328 с.
6. Карасик В. И. Эпиномы как смысловые образования // *Концептуальные исследования в современной лингвистике: Сб. ст.* СПб.: Изд-во ГППИИЯ, **2010**. Вып. 12. С. 45–53.
7. Карцевский С. О. Об асимметричном дуализме лингвистического знака // В. А. Звегинцев. *История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях*. М.: Просвещение, **1965**. Ч. 2. С. 85–90.
8. Кобозева И. М. *Лингвистическая семантика: Учебн. пособие*. М.: Эдиториал УРСС, **2000**. 352 с.
9. Костикова О. И. Переводческая критика: «прозрачность» vs «зеркальность» // *Вестник Московского университета*. №3. **2010**. С. 41–53.
10. Куксина А. Е. Языковые приемы создания лирической экспрессии авторского повествования в автобиографической прозе Ю. М. Нагибина // *Вестник МГОУ. Серия «Русская филология»*. **2007**. Вып. 3. С. 87–91.
11. Михайлова, М. Ю. Лексема «нечто» в передаче семантики невыразимого // *Российский гуманитарный журнал*. **2016**. Т. 5. №4. С. 376–384.
12. Моргунова А. А. Обзор оттенков значения местоименного субстантивата оно в русском дискурсе начала XXI в. // *Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы: Материалы. конф.* Самара: ПГСГА, **2013**. С. 189–192.
13. Николаева Т. М. *Функции частиц в высказывании*. М.: Наука, **1985**. 169 с.
14. Попова З. Д. Стернин А. И. *Семантико-когнитивный анализ языка. Монография*. Воронеж: Истоки, **2007**. 250 с.
15. Серебряков А. А. Романтический текст в лингвопоэтическом аспекте (на материале художественной прозы и метапоэтик Г. фон Клейста): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Ростов-на-Дону, **2010**. 49 с.
16. Сырица Г. С. Семантика невыразимого как этнокультурный феномен // *Славянские языки и культуры в современном мире*. М.: МГОУ, **2009**. С. 294–295.
17. Сырица Г. С. *Актуализация авторских смыслов в художественном тексте. Лингвопоэтический аспект*. М.: ФЛИНТА, **2014**. 160 с.
18. Уфимцева А. А. *Лексическое значение. Принцип семиологического описания лексики*. М.: Наука, **1986**. 239 с.
19. Mikhailova M. Yu. Representation of semantics of inexpressible in different languages // *Russian Linguistic Bulletin*. **2015**. No. 3(3). С.19–21.
20. Mikhailova M. Yu. *Expression of inexpressible: time of globalization. Chapter 7. Actual problems of the humanities: Monograph*. Vienna: East West, **2016**. Vol. 3. P. 69–83.

Поступила в редакцию 16.09.2016 г.

После доработки – 27.10.2016 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2016.5.10

The problem of inexpressibleness of the speech object

© M. Yu. Mikhailova

*Samara State University of Social Sciences and Education
65/67 M. Gorky St., 443099 Samara, Russia.*

Email: marinamikhailova44@gmail.com

In the article the author's solution of the inexpressibleness of the speech subject is given taking into account the asymmetry of the linguistic sign – signifying and signified – in relation to the elements of the functional-semantic category of the inexpressible. It was determined that the elements of the field of inexpressible are marked by the nomination of abstract vocabulary of three subclasses: 1) the most general feature, 2) the concept or term 3) the generic notions in relation to the aspectual. On the other hand, the names, which are the surreal constructs of subject, in spite of an empty denotative value are not marked with an inexpressible, expressing a specific holistic image. From the object of speech, it can be said about a single inexpressibleness of the speech object signifying or signified, or the dual inexpressibleness – both signifying and signified. It is determined for the first time that under the dual inexpressibleness the categories denoting imaginary creatures in fiction or extraordinary beings, whose properties are impossible with nothing to relate, are actively being labeled with the elements of the field of inexpressible. The inexpressibleness of signified is conditioned by factors of external or internal linguistics. The factor of the internal linguistics is an aspect of existential inexpressibleness, the inexpressibleness of the subject of speech due to its otherness. This inexpressibleness is marked with the discursive pronouns usage (*something, it*, indivisible combinations like “something inexpressible”). The factor of external linguistics is a competitive or psychophysical inexpressibleness due to the peculiarities of speech subject. The meaning of inexpressible is transmitted by interrogative sentences with a negative value, the particle *if*, indivisible combinations like “something untold”. In situations with the meaning of a signifier, in which the speaker actually knows the meaning and only marks this sector as inexpressible – And she was an indescribable beauty (= very beautiful) – means of transferring of semantics of inexpressible finds centrifugal forces; from the field of inexpressible it migrates to the field of a very high quality concentration. This “migration” is being observed in the folk formulas (so beautiful that **it cannot be told in words, it cannot be described with a pen ...**), in the formulas of feeling expression (I love so much – **no words!**).

Keywords: *functional-semantic category, semantics of inexpressible, the asymmetric duality of the linguistic sign, signifier, signified.*

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Mikhailova Yu M., The problem of inexpressibleness of the speech object // *Liberal Arts in Russia*. 2016. Vol. 5. No. 5. Pp. 532–538.

References

1. Zaika V. I. *Ocherki po teorii khudozhestvennoi rechi [Essays on the theory of artistic speech]*. Velikiy Novgorod: Novg. gos. unt-t, 2006.
2. Gak V. G. *Sokrovennye smysly: Slovo. Tekst. Kul'tura: Sb. st.* Moscow: Yazyki slavyanskoi kul'tury, 2004. Pp. 489–496.
3. Gorshkova L. A. *Semantika i funktsii neopredelennykh mestoimenii v proze B. K. Zaitseva: avtoref. dis. ... kand. filol. Nauk [Semantics and functions of indefinite pronouns in the prose of B. K. Zaitsev: PhD thesis]*. Ufa, 2005.
4. Ivanyan E. P. *Obshchee yazykoznanie: Kurs lektsii [General linguistics: Lectures]*. Samara: PGSGA, 2013.

5. Ivanyan E. P. *Semantika umolchaniya i sredstva ee vyrazheniya v russkom yazyke. 2 ed. [The semantics of reticence and the means of its expression in the Russian language. 2nd edition]*. Moscow: FLINTA, **2015**.
6. Karasik V. I. *Kontseptual'nye issledovaniya v sovremennoi lingvistike: Sb. st.* Saint Petersburg: Izd-vo GGPIYa, **2010**. No. 12. Pp. 45–53.
7. Kartsevskii S. O. V. A. Zvegintsev. *Istoriya yazykoznaniya XIX–XX vekov v ocherkakh i izvlecheniyakh*. Moscow: Prosveshchenie, **1965**. Pt. 2. Pp. 85–90.
8. Kobozeva I. M. *Lingvisticheskaya semantika: Uchebn. Posobie [Linguistic semantics: Textbook]*. Moscow: Editorial URSS, **2000**.
9. Kostikova O. I. *Vestnik Moskovskogo universiteta*. No. 3. **2010**. Pp. 41–53.
10. Kuksina A. E. *Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya»*. **2007**. No. 3. Pp. 87–91.
11. Mikhailova, M. Yu. *Liberal Arts in Russia*. **2016**. Vol. 5. No. 4. Pp. 376–384.
12. Morgunova A. A. *Vysshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: Materialy. konf. Samara: PGSGA*, **2013**. Pp. 189–192.
13. Nikolaeva T. M. *Funktsii chastits v vyskazyvanii [Functions of particles in a statement]*. Moscow: Nauka, **1985**.
14. Popova Z. D. Sternin A. I. *Semantiko-kognitivnyi analiz yazyka. Monografiya [Semantic-cognitive analysis of language. Monograph]*. Voronezh: Istoki, **2007**.
15. Serebryakov A. A. *Romanticheskii tekst v lingvopoeticheskom aspekte (na materiale khudozhestvennoi prozy i metapoetik G. fon Kleista): avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Rostov-na-Donu*, **2010**.
16. Syritsa G. S. *Slavyanskije yazyki i kul'tury v sovremennom mire*. Moscow: MGOU, **2009**. Pp. 294–295.
17. Syritsa G. S. *Aktualizatsiya avtorskikh smyslov v khudozhestvennom tekste. Lingvopoeticheskii aspekt [The actualization of the author's meanings in a literary text. Linguopoetic aspect]*. Moscow: FLINTA, **2014**.
18. Ufimtseva A. A. *Leksicheskoe znachenie. Printsip semiologicheskogo opisaniya leksiki [Lexical meaning. The principle of semiological description of vocabulary]*. Moscow: Nauka, **1986**.
19. Mikhailova M. Yu. *Russian Linguistic Bulletin*. **2015**. No. 3(3). Pp. 19–21.
20. Mikhailova M. Yu. *Expression of inexpressible: time of globalization. Chapter 7. Actual problems of the humanities: Monograph*. Vienna: East West, **2016**. Vol. 3. Pp. 69–83.

Received 16.09.2016.

Revised 27.10.2016.